

александр
афанасьев

григорий
глинка

ВОЛХВЫ КОЛДУНЫ УПЬИРИ

в религии
древних
славян

Александр Афанасьев

**Волхвы, колдуны упыри в
религии древних славян**

«Алисторус»

2012

Афанасьев А. Н.

Волхвы, колдуны упыри в религии древних славян /
А. Н. Афанасьев — «Алисторус», 2012

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) — выдающийся русский собиратель фольклора, исследователь духовной культуры славянских народов. Его старший собрат по перу Григорий Андреевич Глинка (1776–1818) — филолог, поэт, прозаик, переводчик. Эта книга объединяет их работы, посвященные «баснословным временам идолослужения»: верованиям древних славян, их представлениям о сверхъестественных способностях волхвов, колдунов и ведьм, о нечистой силе, упырях и оборотнях, обо всех тех загадочных и страшных существах народных мифов и легенд, которые нашли свое место в повседневной жизни наших далеких арийских предков.

© Афанасьев А. Н., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

А. Н. Афанасьев Нечистая сила	5
Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Николаевич Афанасьев, Григорий Андреевич Глинка Волхвы, колдуны упыри в религии древних славян А. Н. Афанасьев Нечистая сила

Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков

Древнейшие представления о божестве-громовнике носят двойственный характер: являясь, с одной стороны, божеством светлым, разителем демонов, творцом мира и подателем плодородия и всяких благ, он, с другой стороны, есть бог лукавый, злобный, приемлющий на себя демонический тип. Эта двойственность в воззрениях первобытных племен возникла под влиянием тех естественных свойств, с которыми выступает гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачные облака и вредные испарения, то посылающая град и бурные вихри, опустошающая поля, леса и нивы и карающая смертными молниями. Шествуя в тучах, громовник усваивает себе и их великанские признаки и, согласно с представлением туч темными подземельями, становится богом подземного (адского) царства. Чтобы обозначить эти различные, одна другой противоположные стороны в характере громовника, народ давал ему и соответственные им прозвания, которые впоследствии перешли в имена собственные, обособились и разъединили единое божество на две враждебные личности: рядом с небесным Зевсом является другой, владычествующий не на небе, а под землей, – Ζεὺς χαταχρόνιος, Jupiter niger, то есть Плутон, царь того света и усопших; возле благого, плодородящего Тора – лукавый Локи.

Этот последний вполне соответствует Гефесту (Вулкану), богу подземного огня, искусному ковачу молниеносных стрел, о котором греческий миф рассказывает, что раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю и что вследствие этого падения Гефест повредил ногу и навсегда остался хромым. Локи, хотя и числится в обществе асов и признается их товарищем, тем не менее есть существо коварное, обманчивое, состоящее в самом близком родстве с демоническими силами; низвергнутый с неба и окованный цепями, он потрясает землю; подобно Гефесту, он хром и также клеймит богов злыми насмешками. Хромоту соединяет древнее сказание и с славным кузнецом Völundr'ом. Быстрота молний заставила сблизать их не только с летучими, окрыленными стрелами, но и с ногами, как необходимыми орудиями движения, резвого бега.

Отсюда объясняется, почему русский сказочный эпос изображает героев – представителей весенних гроз – с ногами по колено в золоте, почему греки давали своим богиням эпитеты сребро- и златоногих, почему, наконец, подвижная избушка ведьмы (ходячее облако) стоит и повертывается на курьих ножках, т. е. на ногах петуха (кура), имя которого доньше употребляется в значении огня. Богатырские кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачным скалам, высекали из них молниеносные искры и открывали путь дождевым источникам. Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией¹, то полет ее фантазия стали сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромоногого человека или животного; а громовому удару стали приписывать отшибание пят или повреждение ноги у героя громовника,

---

¹ Римляне чтили Марса под образом кривого меча – *hasta curva*.

когда он является в облачные подземелья добывать оттуда золото солнечных лучей и живую воду дождя.

Такой удар наносят ему тяжелые двери демонских кладовых или железные врата адовы; под дверью здесь разумеется то отверстие, какое прорубает в темных тучах Перунова палица. Когда заблестит молния, чехи говорят, что это Бог отворяет в небесном чертоге дверь или окно и что в ту минуту поют там хоры ангелов, т. е. слышится грозовая песня. Зевсу в битве его с Тифоном были подрезаны на ногах жилы; по свидетельству индийского мифа, Кришна, славный победитель дракона, был ранен в подошву, откуда объясняется и греческое предание об ахиллесовой пяте; наши сказочные герои иначе не могут освободиться из подземного мира, как отрезав свои икры и скормив их дракону или вихрю-птице, на крыльях которых вылетают они на белый свет. То же увечье испытывают и мифические животные, в которых издревле олицетворялись грозовые тучи. Так, козел Тора охромел, потому что у него была разбита кость задней ноги; а конь Бальдура вывихнул ногу в то самое время, как этот бог сопровождал Одину в его бурном поезде. По указанию русской сказки, когда царевич доставал живую воду, толкучие горы (тучи) отшибли его богатырскому коню задние ноги. Падение молнии на метафорическом языке обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она в данном случае: бог-громовержец или демон-туча терял свой золотой волос, зуб, палец, фаллос, перо из своих крыльев или ногу. Звери, в образе которых народные предания живописуют грозовые явления (собака, заяц и др.), весьма часто представляются треногими; немецкие саги заставляют дикого охотника ездить на треногом коне и бросать с высоты воздушных пространств заднюю ногу оленя или коня, которая потом превращается в золото.

Взирая на извив молнии как на тот не прямой путь, которым шествует бог-громовник, древний человек, под непосредственным воздействием языка, связал с этим представлением понятия коварства и злобной хитрости. В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды, той кривой дороги, какую идет человек недобрый, увертливый, не соблюдающий справедливости; до сих пор обойти кого-нибудь употребляется в смысле: обмануть, обольстить. Лукавый – хитрый, злобный, буквально означает: согнутый, искривленный, от слова *лук* – согнутая дуга, с которой и смертные, и сам Перун бросают свои стрелы; *лукать* – бросать, кидать, излучина, *лукоморье* – изгиб морского берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всех кельтских наречиях *кам* – кривой, в кимр. – худой, злой, а в ирланд. – сильный, могучий, кимр. *каму*, ар-мор. *камта* – натягивать лук. Напротив, с понятием правды соединяется представление о прямоде душевной; *прямить* – говорить правду (напрямки, впрямь), прямой человек – честный, неподкупный, идущий прямым путем.

Лукавство и хитрость считались у грубых первобытных племен существенными признаками ума, мудростью; другие выражения сближают ум с быстротою – понятием, неразлучным со всеми представлениями стихийных духов: владим. – *достремиться* (стремный, стредаый – скорый, проворный) – догадаться, *достремливый* – то же, что дошлый: смысленный, догадливый, буквально: добегающий, достающий до цели; перм. *угонка* – сметливость, догадка; с тем же значением употребляется и слово *дамёт* («не в дамет» = невдомек, от *дометнуть*). Серб. *хитар*, тождественное с нашим хитрый, значит быстрый, хорут. *hiteti* – спешить, старослав. *хы(и)тити* – схватить, поймать; сравни чеш. *chwatati*, новгор. и твер. *хвататься* – торопиться, серб. *дофатити (дохитити)* – достигнуть и рус. *хват* – молодец; *хапать* – схватывать и олон. *хапистый* – молодцеватый. Следовательно, *хитрый* первоначально могло означать то же, что и прилагательное *ловкий*, т. е. тот, который удачно, скоро ловит, а затем уже – умный. Приведенный ряд слов переносит нас в те отдаленные времена охотничьего быта, когда меткость стрелы, быстрота в преследовании дичи были главными достоинствами мужчины, ручательством за его ум. Наряду со словом *лукавый*, которое сделалось нарицательным именем черта (у немцев: *der*

böse, feindliche, unholde, у Отцов Церкви: antiquus hostis), хитник также служит для обозначения нечистого духа как коварного оболстителя и в то же время похитителя небесного света и дождей, а впоследствии – похитителя душ христианских; сравни: вор и проворный.

Под влиянием указанных воззрений и языка бог разящих молний переходит в хромоногого демона, и доньше у разных народов продолжают давать этот эпитет дьяволу: *der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux*, хромой бес, хромой черт; в Воронежской и других губерниях нечистого называют «Антип беспятая»; чехи поминают *kulhaveho, certa* и *kulhave hromy*. В народных сказках черт нередко является искусным кузнецом, с чем как нельзя более гармонируют и его черный вид, и его пребывание в покрытых сажею и горящих адским пламенем пещерах; в самый короткий срок он может перековать в гвозди огромное количество железа; в Германии думают, что, ударяя кузнечным молотом в полночь, можно вызвать нечистого духа. Падающие с облачного неба, молниеносные духи (чеш. *Svetlonosi*, то есть эльфы²) в эпоху христианства смешались с теми некогда светлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоумие были низринуты, по библейскому сказанию, во мрак преисподней. Я. Grimm относит название *Loki* к корню *lukan* (*claudere* – запирать, *claudus* – хромой); сканд. *lokfi nis, consummatio, loka* – запор, засов у дверей: свидетельство языка – в высшей степени любопытное и знаменательное, так как молния исстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему их на все время холодной зимы; «замкнутое небо», то есть небо, не посылающее дождей. В качестве демона Локи замыкает облака, налагает на них крепкие запоры, задерживает небесные воды и производит неурожай.

В противоположность Тору, покровителю земледелия и произрастителю хлебных злаков, он засекает поля сорными травами; в Норд-Ютланде вредная для скота трава называется *Lokkens havre* – подобно тому, как на Руси осот считается чертовым зельем: *ni saaer Lokken sin havre* (теперь Локи сеет свою траву). В Средние века черта представляли под символом молота, засова и запора. В шведской песне о *Torkar'e* черт, похитивший молот, назван *trolltram*, от сканд. *trami, tremill*, др. – нем. *dremil* – засов у дверей. Седьмой день, посвященный италийцами Сатурну (*dies Satumi*), у германских племен называется: *Soeteresdag, Soetemesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag*; англосакс. *soetere* – *insidiator*, скрывающийся в засаде враг, подстерегающий злоумышленник (др. – нем. *sâzari*, ср. – нем. *sâze* – *insidiae=lâga, lâge*). Такое название субботнего дня приводит на мысль сканд. *laugardagr*, швед. *lögerdag*, дат. *loverdag*, что в более раннюю эпоху могло быть равносильно выражениям *Lokadagr, Logadagr* – день, посвященный Локи.

Итак, Локи соответствует Сатурну, жестокому богу преисподней; с именем этого последнего и с именем созвучного ему Сатаны народ и связал свои воспоминания о древнем национальном божестве демонического характера. В Священном Писании Сатана есть отец лжи; сканд. *Locki* – *verführer, vertocker, nachsteller*, дат. *Loke löjemand (lovmand)* намекает на *lyve* – лгать, обманывать (*prat, loi*); Grimm подозревает сродство между словами *lüge* – ложь, обман и *logi* – огонь, вихрь. У немцев, русских и чехов существует примета: если огонь горит с треском и прыгают из печи искры, то в семье произойдут ссора и брань. Слово *wind* употребляется в значении клеветы, ложного доноса, *windbeutel* – лжец; точно так же в русском языке «слова, сказанные на ветер» означают: пустые речи, враки, ветреный человек – беспутный; у датчан есть пословица: *lögn er et skadeligt uveir* («Ложь – опасная буря»).

Der lügner – не только лжец, но и насмешник, шутник, каким и представляется Локи в сказаниях Эдды; наши поселяне дают черту, домовому и лешему название шута, шутика.

Старинные хроники свидетельствуют, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Так, Массуди в «Золотых лугах» говорит, что во храме, построенном на Черной горе, стоял

² *Svetlonosi* собираются на лугах и полях, танцуют, сбивают путников с дороги и бросаются им на спину; можно накликать их свистом.

идол, изображавший Сатурна, в виде старца, с палкою в руках, которою он разгребал кости умерших; под правую его ногу были видны муравьи, а под левую сидели вороны и другие хищные птицы. Видукинд упоминает о медном идоле Сатурна у вагров. Славянское имя этого бога, следуя глоссам Вацерада, было Ситиврат. Словаки местом входа в ад назначают пропасти горы Ситна (название, стоящее, может быть, в связи с именем Ситиврата) и злого духа называют пропастником, препадником.

Вообще следует заметить, что народные предания и поверья о нечистых духах изображают в них демонов грозовых туч и бурных вихрей, а в их адском жилище – мрачные вертепы облачных гор. На это мы уже не раз указывали в предыдущих наших сочинениях, посвященных великанам, карликам, водяным, лешим и другим стихийным духам, с которыми постоянно смешиваются черти. Вритра, Аги, Cushmana и другие демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловеченные явления природы, ибо деятельность их обнаруживается в потемнении неба громовыми тучами, в воздымании бурь и опустошении нив градом; обитая в облачных горах или среди дождевых вод, они похищают небесных коров и дев, солнце, месяц и дождь и сражаются с Индрою – молния против молнии. В шуме весенних гроз предки наши созерцали битву громовника с демоническими силами, которых он разит своим молотом, палицей или стрелами, и доселе существует поверье, будто ударом молота по наковальне можно наложить на черта оковы. К тем сведениям, какие собраны по этому предмету выше, мы добавим свидетельство старинного англосаксонского памятника, сходного по содержанию с русским стихом о Голубиной книге. Здесь, между прочим, описывается борьба Сатаны с Богом: дьявол претворяется в тьму, а Господь – в свет, первый принимает образ исполинского змея, а последний – копыя.

Наконец, сожженный Божьей молнией, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождем, Сатана признает себя побежденным, и Господь налагает на него железные цепи. Под другим поэтическим воззрением гроза и крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбою или пляскою, и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние вьюги и метели посылаются нечистою силою; появление и исчезновение чертей сопровождаются бурей и треском ломающихся деревьев. Манихеи и другие еретики внесли в свое учение догмат, что буря есть дыхание заключенного в оковах дьявола, что гром – скрежет его зубов, злобное ворчание, а дождь – капли его пота. В сербской рукописи XIV века содержится отрывок заклания против нечистой силы, в котором читаем: «... запрещаю ти четирами патриархи, запрещаю ти, дьяволе, 308 святых отец, иже в Никеи, да не имаши власти на троудех христианьских (то есть над нивами) одьждити (одождити) боурею и злим градом».

По мнению чехов, вместе с вихрями, подымающими пыль столбом, движутся злые духи и причиняют людям болезни; сражаясь в воздухе, черти бросают друг в друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусков и падают на землю градом; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаят ее следующей заповедной формулой: «zaklinam vás, anděle pekelní kteri posiláte krupobiti na tento svět, neškod'te ourodám božim, ani zemi, ani chmelnicim, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvoření božimu... abyste na skály a na hustiny šli». Подобно тому в Ведах встречаем молитву: «...не повреди нам, Рудра, на сынах наших и внуках, на лошадях и коровах!». От XVI века дошли до нас сказания, в которых опустошительные бури изображаются как дело нечистых духов: в 1570-х годах в некоторых местностях Богемии жители наблюдали их полет в стремительных вихрях, а в одной деревне рассказывали, будто дьявол свел любовную связь с бабою (ведьмою) и научил ее напускать грозу и град; когда виновную бабу спалили на огне, то черти подхватили ее душу и унесли в вихре.

В 1585 году крестьянин, у которого град выбил ниву, так выразился о своем несчастье: «...však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!». В народных клятвах доньше дается черту стихийное значение: «hat dich der teufel aber herzu tragen?», «wo führt ihn der teufel her?», «daz dich der tiuvel hin füere!», «var du dem tiuvel in die hant!», «fahr hin zum teufel!», «le diable t'emporte!», «куда тебя черт занес! (или завел)», «чтоб тебя черт брал!».

Сравни с заклятиями: «was für ein wetter fuhr dich her!», «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?», «wo schlägt dich der hagel her?», «ich will des wetters sein!», «ich bin des donners!», «каким ветром тебя занесло сюда?»; у словаков: «kde tarn ideš do Paroma!», «kde si bol u Paroma?» Клятва: «zum teufel!» (к черту!) равносильна выражениям: «zum dormer!» и «dass dich der hammer!» Рядом с благословением: «gott waits!» в устах народа слышится: «des wake der teufel, der dormer!».

Названия teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятые деньги) тождественны. Черту приписывается быстрота вихря или несущихся в грозе духов неистового воинства; подобно эльфам, черт может внезапно появляться, исчезать, оборачиваться в различные образы и делаться то великаном гигантских размеров, то карликом, способным пролезть в замочную скважину или в пустой орех. В средневековых сагах герои приносятся из дальних стран домой с необычайной скоростью чертом и большею частью чрез воздушные пространства.

Так, король Карл в единую ночь прискакал с востока во Францию на дьяволе, превратившемся в коня. Известна легенда о святом пустыннике, которого в несколько часов свозил черт в Иерусалим или в Рим³. Другие саги допускают замену нечистого духа ангелом, указующим на быстрого коня: знак, что первоначально тут разумелся не злой демон христианского учения, а созданный язычеством стихийный дух (ветр) или сам Вуотан, несущий своего любимого героя в бурном полете облаков. Как представитель легко изменчивых облаков и туманов, черт может превращаться во все те образы, в которых древнейший миф олицетворял тучи. Согласно с эпическими названиями облаков ходячими, а ветров буйными, черти вечно бродят по свету и отличаются неустанною, беспокойною деятельностью; на областном наречии шатун означает и бродягу, и дьявола. По быстроте своего полета тучи уподоблялись хищным птицам, легконогому коню, гончим псам и диким козлам и козам, а ради той жадности, с какою они пожирают (помрачают) небесные светила, – волку и свинье.

Все эти животненные формы принимает и нечистый. Из сейчас указанной саги видно, что он, наравне с ведьмами, может превращаться в борзого коня; в других сказаниях он, подобно Вуотану и Донару, выезжает на черном коне или в колеснице; осужденных грешников увозят в адские бездны черные кони; Локи превращался в кобылу и породил осьминоного Слейпнира от великанова жеребца Svadhilfari. Прибавим, что и водяные представляются наполовину, а иногда и совсем в лошадином образе; а кобольдам народные поверья дают лошадиную ногу. Черт нередко показывается в виде собаки и даже называется hellehund, напоминая тем греческого Цербера; как адский пес, он стережет спрятанные в облачных подземельях сокровища, оберегает небесные стада и участвует в дикой охоте – этой поэтической картине весенней грозы, почему его называют также: hellehirte и hellejager.

В силу мифического сродства мертвецов с стихийными духами создалось верование, будто он охотится за душами усопших, как гончая собака за убегающей дичью: «ffihrt dich der zauch (др. – верхненем. zoha – сука) schon wieder her?» Представление черта козлом ставит его в особенно близкие отношения к Тору. На праздничных сборищах ведьм Сатана является в образе черного козла, которому они воздают божеские почести; в заклятиях козел служит заменю древнего бога. В Швейцарии народ не употребляет в пищу козлиных ног, потому что такие же ноги имеет и сам черт: это обыкновение объясняется из мифа о козлах Тора, мясом которых утолял он свой голод, а из собранных костей снова воскрешал убитых и съеденных животных и сильно гневался, когда однажды кость козливой ноги оказалась раздробленною.

Наподобие Тора черт ездит по ночам на козле и щелкает бичом или правой рукою машет серебряным молотом, а в левой держит молнии. О превращениях злого духа в свинью и волка

³ «Сказание о великом святителе о Иване, архиеп. великого Новаграда, како был единой ноци из Новаграда в Иерусалиме-граде и паки взвратися».

было сказано выше. Черт охотно воплощается в черного ворона, коршуна и сову; немцы называют его *hellerabe*, и не только ради хищности и черного цвета этой птицы, но и потому особенно, что ворон посвящался Одину, шествующему в грозе и бурях. Животненные формы даются бесам в придаток к тем безобразным человеческим формам, в которых рисовались они воображению первобытных племен; наделенный козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостом, черт внешним видом своим сближается с античными фавнами и сатирами и нашими лешими; он так же космат, как *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звериного и птичьего типов.

По летописному свидетельству, боги, живущие в безднах, «видом черны, крылаты, с хвостами и летают под небо». Сходно с эльфами, цвергами и пиксами, черти любят пляски и музыку. Наряду с бесами мужского пола предания говорят о чертовках, которые по характеру своему совпадают с облачными, водяными и лесными женами и девами. У малорусов есть поговорка: «Дождь чертовой матери». В народных сказках в жилище черта сидит его бабка, мать или сестра, которая в большей части случаев оказывается благосклонною к странствующему герою, прячет его от своего сына и помогает ему в нужде (с тем же значением изображается и мать ветров); сам же черт, ворочаясь домой, чует носом человеческое мясо, как чуют его великаны и змеи.

По мнению малорусов, если «дождь идет кризь сонце (то есть при солнечном сиянии), то черт жинку бьет» или «дочку замижь виддае»; чехи говорят: «*čert běli svoubabu, či svou matku neb chot'*» (любовницу); французы: «*le diable bat sa femme*». В Германии о быстро сменяющейся погоде – то ясной, то дождливой и пасмурной – выражаются поговоркою: «*Der teufel bleicht seine grossmutter*», в Швейцарии: «*Der teufel schlägt seine mutter*»; когда гром гремит при солнечном сиянии, немцы говорят: «*Der teufel schlägt seine mutter, dass sie ol gibt*». Польско-русинское присловье утверждает, что ведьмы (чаровницы) сбивают масло в то самое время, как черт бабу колотит. Очевидно, черт выступает здесь в роли громовника; в шуме летней грозы он бьет свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требует от нее масла, то есть дождя. Туча, в недрах которой рождается молния, почиталась ее матерью; в сказках упоминается мать грома, литов. *Percuna tete*. С другой стороны, та же облачная нимфа, под иным поэтическим воззрением, представлялась любовницею или женою грозового демона, с которою он сочетается молниеносным фаллосом⁴.

Вместе с присвоением громовнику и сопутствующим ему духам характера демонического, сатанинского, жилища их, т. е. облачные подземелья и пещеры, получили значение страшного царства нечистой силы; в то же время царство это признано было обиталищем умерших, ибо и в языке, и в поверьях смерть роднилась с нечистою силою⁵, а тени усопших – с грозowymi гениями. И та и другие неслись в рядах неистового воинства и дикой охоты, сопровождали Одина в его воздушных поездах и вместе с ним скрывались в облачные горы и дождевые источники. Те же самые образы и краски, какие созданы были поэтическим настроением древнего человека для туч, служили и для обрисовки царства демонов и мертвых.

Прежде всего, это есть мир подземный, куда ведет трудный путь через пропасти и горные ущелья, – мир непроницаемой тьмы и страшно клокочущего, всепожигающего пламени: тьма указывает на помрачение неба черными тучами, а пламя – на горящие в них молнии. Таково было воззрение арийских племен. Веды знают ужасный, подземный мир *Naraka*, в котором царствует богиня *Nirriti*; по учению древних греков, души усопших отходят в подземный, вечно туманный и мгlistый ад (*αἴδης, αἰδης*), где властвует бог Аидес (Гадес), являющийся во всей грозовой обстановке: он имел шлем-невидимку, жезл и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молнии).

---

⁴ Народные поговорки утверждают, что «черт и баба – родня между собою», «где черт не сможет, туда посылает бабу».

⁵ Напомним, что суббота (*dies Saturni*) есть по преимуществу день поминок.

Греческому аду соответствуют германская гелла и славянское пекло. Сканд. *Hel* (гот. *Halja*, др. – нем. *Hellia*, *Hella*, англосакс. *Hell*) принимается в двух значениях: как название того света (*unterwelt*) и как имя царствующей там богини – точно так же, как греч. *Αἰδώς*; и лат. *Orcus* (*uragus*, *urgus*) олицетворялись в мужском образе. Ульфила переводится *abŕ<*;, словом *halja*; верхненемецкий переводчик Священного Писания *infernus* передает через *hella*, а *gehenna* – через *hellafi ur* и *hellowizi*. Геллу, сверх того, чтители язычники как богиню смерти, существо злое, забирающее души усопших в свою печальную область, откуда уже нет возврата.

По свидетельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змеи; она наполовину или совсем черного цвета, подобно тому, как, олицетворяя смерть, народное воображение рисует ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежит глубоко в утробе земли, под корнем мировой ясени *Иггдразилли* и носит имя *Nifl heimr* или *Nifl hel=nebelwelt*, *nebelholle* (облачный, туманный мир или ад); ее чертог – *Eliudhnir* (страдание, бедствие), блюдо – *Hungr* (голод), нож – *Sultr* (с тем же значением), т. е. она пожирает с ненасытным голодом. В Средние века изображали ад жадно раскрытым, поглощающим людской род зевом, подобным волчьей пасти; старинные памятники говорят о бездне, дверях и челюстях адских.

Идеи зияющей бездны, отверстой пасти, ворот и крепких, неодолимых запоров так естественно возникали в данном случае, что разные народы постоянно обращались к этим образам. Наши церковные и лубочные изображения Страшного суда рисуют ад в виде открытой, огнедышащей пасти чудовищного змея⁶.

Усопшие едут в область Геллы на конях или в колеснице («*fara til Heljar*»); созвездие Большой Медведицы называют не только *himmelwagen*, но и *hellewagen*; имена, даваемые Млечному Пути, указывают на него как на дорогу, которая ведет умерших на тот свет, – любопытные данные, ярко свидетельствующие, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическим обозначением небесных, облачных пещер. Греки помещали ад то в недрах земли, то за пределами воздушного океана, где находились и блаженные острова. Рядом с подземной странюю *Naraka* индийское верование указывает на фиговое дерево (*acvattha* = *Иггдразилль*), под сенью которого пребывают праотец Яма и все блаженные – *Pitris*, наслаждаясь невозмутимым покоем и вместе с богами вкушая бессмертный напиток.

Рядом с геллою скандинавский миф называет валгаллу (*valhöll*). На высоком небе высился *Asgardhr* – город светлых асов, где хозяином и владыкою был Один; окруженный крепкими стенами, город этот заключал в себе славные чертоги и валгаллу. Эта последняя имела 540 дверей, вместо кровли была покрыта золотыми щитами, на стенах ее висели блестящие мечи и давали свет, озаряющий всю залу. Сюда поступали падшие в битвах герои (*einherien*) и продолжали свои воинские занятия; каждый день они сражались на дворе и умерщвляли друг друга, но когда наступало время трапезы – убитые восставали и пировали за одним столом с победителями, вкушая бессмертные яства и вдохновительный мед; в битвах этих принимал участие и сам Один.

Ясно, что герои валгаллы суть стихийные духи, сражающиеся в летних грозах и пьющие живую воду дождя, – представление, перенесенное потом на доблестных народных витязей, души которых смешиваются с бессмертною свитою Одина. В царство же Геллы поступают умершие от старости и болезней; первоначально это – место пребывания усопших, а никак не место наказания грешников; о казнях и муках нет ни слова в древнейших памятниках, и обитатели *Нифльгейма* составлялись не исключительно из злых и нечестивых людей, но все скончавшиеся не в пылу сражений, даже самые благородные и возвышенные личности, отхо-

⁶ У пророка Исайи, V, 14: «И расшири ад душу свою, и разверзе уста своя». На стеной живописи вологодского Софийского собора под стопами Спасителя, изводящего из ада души праотцев, изображены сокрушенные врата, веревы и заклепы. – Изв. Имп. Археол. об-ва., IV, 24.

дили сюда, как свидетельствуют примеры Брунгильды и Бальдура. По греческому верованию, почившие герои поступали в мрачные вертепы ада.

Тем не менее из этих мифических основ с течением времени, когда выработалась известная сумма нравственных правил, должны были развиться представления о различной участи, ожидающей по смерти добрых и злых. Слабые зачатки таких представлений встречаем уже в мире языческом, оделившем небесное царство Ямы и блаженных праотцев от подземной области Нараки. С забвением исконного смысла старинной метафоры, уподобившей облака горам и подземельям, и с перенесением ада в действительные недра земли сказания о нем стали противоположаться мифу о небесных (райских) обителях богов и их любимцев⁷.

Уже Гомер различает Тартар от елисейских полей; Тартар лежал еще глубже ἄδηϛ'α – в бездне, где томились заключенные великаны, буйные противники богов, – и позднее признан был за ту часть подземного царства, в которой злые осуждены терпеть казни; в елисейских же полях проводят беспечальные дни тени блаженных. У германцев также было верование, принимаемое Я. Гриммом за сравнительно позднейшее, что Всевышний (Allvater) дарует людям бессмертные души и как скоро труп покойника будет сожжен на костре или сгниет в могиле – душа доброго возвращается к Одину на небо. (Gimill, Vingolf), а душа злого идет в Nifl heimr.

Собственно же говоря, строгое различие между грядущими судьбами добрых и злых и местами их посмертного пребывания указано христианством, которое потребовало от человека высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутренним достоинствам. В XIII веке уже утвердилось за геллою ее теперешнее значение подземного царства мук, в котором пребывают души осужденные, проклятые. В древних верхненемецких памятниках употребляется в смысле ада *bëch* (*rëch* – *rix*, смола); новые греки называют преисподнюю *πίσσα*. Этот смоляной ад известен у славян и литовцев под именем пекла (польск. *piekło*, серб. *пакао*, слов. *rekel*, илл. *ракал*, литов. *рекла*, др. – прус. *pickullis*), каковое, каковое слово происходит от глагола *печь*, *пеку* и равно означает и смолу, которая гонится чрез жжение смолистых деревьев, и геенское пламя⁸. Венгерское *rokol* (ад) заимствовано от славян – точно так же, как германские племена заимствовали от римлян *infem*.

На Руси смолу называют варом, а слово «деготь» имеет в санскрите корень *dah* (*dagh*) – гореть⁹. Следуя буквальному значению этих слов, предки наши связывали их с представлениями весенних вод и дождей, рождающихся под действием яркого солнца и молниеносного Перуна из растопленных снегов и туч. Таким образом, смола и деготь издревле были метафорами дождя, а слово «пекло» к обозначению «ада» перешло от понятия громовой тучи, пылающей молниями и преисполненной кипучею влагою живой воды. В старинных славянских рукописях греч. *тартаро*^α переводится грозой: «инии грозе предаются». У люнебургских вендов ад – *smela* = смола. Литовский *Pokole* (*Poklus*, др. – прус. *Pikolos*, *Pekolos*) есть бог-пекельник, владыка того света, тождественный Гадесу; черт по-литовски – *ryculas* (др. – прус. *pickuls*).

По народным поверьям, появление и исчезание нечистых духов всегда сопровождается громовым треском и удушливыми парами, распространяющими серный или смолистый запах. Малороссийская поговорка «Як дидько по пеклу шибаеця» указывает на властвующего там Сатану, или подземного Перуна; как у славян имя Деда Перуна перешло в название дьявола, так у немцев *alt* есть не только прозвание Тора, но сверх того означает и черта, и великана; сравни наше: «старый черт». Славяне полагают пекло под землю, куда надо спускаться чрез разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Про-

⁷ Между небом и подземным царством ада земля составляет средину – *Midhgardh* (*media domus*).

⁸ Описание слав. рукой. Моск. синод. библиот., отд. I. 109: пекло – смола; отд. II, вып. II, 239; пекла моуки – *inferni roenas*; Церковнослав. словарь Востокова: «посмоли же ковчег пеклом»; пекол, пекл, пькол – смола или асфальт.

⁹ Г. Микуцкий сближает *dah* с славянским *жег*; «д» изменяется в «ж», как в словах: орудие – оружие, куделя – кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдел. этногр., I. 589).

столюдины русские убеждены, что душа во время «обмиранья» (летаргии), руководимая Николаем-угодником, странствует в подземном царстве и видит там адские муки.

По свидетельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести их по смерти в лучшие места ада (*in meliores inferni sedes*). В Шлезии «пеклом» называют склепы с погребальными урнами; а словацкий *řikuljk* принадлежит к разряду домовых гениев, в образе которых чтились духи усопших предков. В народных сказках герои, отправляясь на тот свет, нисходят туда через глубокую яму. Словаки рассказывают об одном охотнике, который по указанию Бабы-яги ездил в ад и спускался для того в пропасть; его вез летучий змей (дракон-туча), и когда не хватило запасов, странствующий молодец вынужден был дать змею кусок мяса от собственной ноги и остался навсегда хром.

Те же подробности находим в наших, немецких и норвежских сказках, повествующих о возвращении героев с того света – из далекой страны чудовищных демонов; но место змея заступает громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сияние. В заговорах нечистая сила посылается «в океан-море (или небо), в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, в тартарары – во тьму кромешную». Изображая ад пеклом, т. е. возжженной смолою, народная фантазия соединила с ним представление об огненной, бурно клокочущей реке, которая у греков называлась *ρῆϋευτσοι* (огненный поток)¹⁰. Миф о кончине мира, живописующий разрушение в шуме весенних гроз старой, одряхлевшей за зиму природы, свидетельствует, что в то страшное время протечет река огненная.

При конце Вселенной настанет царство Антихристово, светила небесные померкнут, архангелы вострубят в рога – и мгновенно воскреснут мертвые. «Посем, – говорит Кирилл Туровский, – огонь неугасимый потечет от востока до запада, поядая горы и камение и древа, и море иссушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небеса совиются), и вся видимая сущия вещи, развеет человек, вся от ярости огненныя яко воск истают, и згорит вся земля. И сквозь той огонь подбает всему человеческому роду пройти... В них же суть неции, мало имуще съгрешения и неисправления, яко человеци, понеже есть Бог един без греха, да сим огнем искушени будут, очистятся и просветятся телеса их яко солнце, по добродетели их: праведным дает свет, а грешным опаление и омрачение.

Прешедшим же им огненную сию реку, огненная река, по Божию повелению, послуживше и отшедши к западу, учинится во озеро огненное на мучение грешным. Посем будет земля нова и ровна, якоже бе искони, и бела паче снегу, и потом повелением Божиим премежится и будет яко злато; изидеть из нея трава и цветы и много различнии и неувядающи никогда же... и возрастут древа не яко видимая си суще, но высотой, лепотою, величеством невозможно есть изглаголати усты человеческими»¹¹.

В стихе о Страшном суде сказано: протечет река огненная и запыхает огонь от земли до неба и пожрет камни, леса, птиц и зверей.

Сойдут с небес ангелы грозные,
И снесут они орудия огненные
И погонят грешных в реку огненну.

Вслед за тем начинается великий потоп, омывающий греховную землю. На картинах Страшного суда изображается и эта неугасимая река, с толпами захваченных ею грешников. В путевые записки Коробейникова и Грекова при описании святых мест Палестины занесено

¹⁰ Griech. Myth. Преллера, I, 637; *ρῆϋεω* – пожитаю. Калевала упоминает огненную реку; волны ее бьют в скалу, на вершине которой сидит орел (молниеносная птица) и точит свой клюв.

¹¹ Пам. XII в., 100-1; Рукоп. графа Уварова, вып. I, 118-9. В стихирах недели мясопустной, по рукописи XV столетия, читаем: «.. река же огненная пред соудищем течет, оужасая всех... плачу и рыдаю, егда во оуме прииму огонь неугасимый, тмоу кромешною и пропасть глоубокою, лютого червня неосушающего и скрежет зюбный». – Калеки пер., VI, с. XVII.

предание: «...и тою подолью, сказывают, хочет течи река огненная в день Страшного суда». В народном стихе Михаил-архангел представляется в роли Харона¹²: как на последнего возложена была обязанность переправлять тени усопших через адские потоки, так этот перевозит души праведных через реку огненную «ко пресветлому раю».

В сказках змей и Баба-яга указывают богатырям на огненные источники (тучи), в которые что ни брось – тотчас же все объемлется пламенем Восток, откуда восходит (нарождается) ясное солнце, чтился арийцами как райская страна, царство весны и ее благодатных даров; напротив, запад есть страна ночного мрака, смерти и адских мук. Младенческим племенам все то казалось за истину, что видел их глаз; солнце, удаляющееся вечером с небесного свода, и облака, гонимые за горизонт ветрами, как бы уходят под землю, а потому запад, где умирает дневное светило, признан был за подземное, загробное царство; там полагали греки и свой *ἄδης*. Весенняя, пожигаемая молниями туча течет с востока огненную рекою, поедает обветшалый мир и затем отходит к западу, где и водворяется на муку грешным Всемиренный пожар, действует заодно со Всемиренным потоком, как поэтические представления грозowego пламени и дождевых ливней, и затем наступает блаженное царство весны: земля, обессиленная рукою старости (то есть зимы), юнеет и обновляется, поля и леса одеваются в зелень и сулят обилие плодов земных. Согласно с представлением зимних туч бесплодными горами и скалами, созданными владыкою демонов и разрушенными богом-громовником, новый мир изображается цветущею равниною. Так как и с огнем, и с водою соединялась идея физического и нравственного очищения, то понятно, почему народ сочетал с огненной рекою двойное значение: во-первых, адского, наказующего потока и, во-вторых, очистительного пламени (*fegefeuer*); здесь коренится католический догмат о чистилище (*purgatorium*).

По свидетельству народного стиха, грешные души, очистившиеся в огненной реке, изымаются из ее хлябей неводом, что напоминает нам ту сеть, с которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловле в водах небесного океана.

И прошел невод мукой вечною,
И вытащил душ праведных (прощенных)
из муки вечныя¹³.

Персы верят, что добродетельные души пойдут на небо, а злые, грешные будут прежде очищены огненной металлическою рекою, которая разольется при кончине Вселенной, и потом уже начнется всеобщее, бесконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вечный свет и правда.

Кроме запада, идея ада связывалась с севером, как страну полуночную, веющую зимними стужами. Понятия ночи, зимы, смерти и все потемняющих туч отождествлялись в языке и мифах, что и привело к представлению севера царством демонов и, напротив, заставило юг сблизить по значению с востоком, видеть в нем родину небесного огня. По скандинавскому преданию, царство Геллы лежит на севере. Когда *Hermödhgr* послан был к усопшему Бальдуру, он девять ночей (по-русски следовало бы сказать: девять дней) ехал мрачными глубокими долинами и достиг реки *Giöll* (*strepens* – шумно-бурливая), через которую вел мост, покрытый блестящим золотом (то есть радуга, издревле признаваемая за дорогу в небесные обители и путь усопших).

Мост этот сторожила дева *Modhgudhri*; она объявила страннику, что пять дней перед тем толпа умерших мужей перешла через мост и что жилище Геллы (*helveggr*) находится еще глубже и севернее. Мрачные, глубокие долины соответствуют греческому *Ερεβος* и составляют

¹² Имя, указывающее на грозное божество (*χάρωφ, χαροπόζ*). – *Der Ursprung der Myth.*, 273.

¹³ ЧОИИД, год 3, IX, 215-6.

проход, ведущий к аду (Halja), это – холодная, туманная, охваченная непроницаемым мраком страна Nifl heimr'a, где обитают и носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьет источник Hvergelmir, из которого истекают двенадцать бурливых рек, и между ними Giöll, ближайшая к жилищу богини. Потоки эти суть мифические представления дождевых ключей, так как самый Nifl heimr – поэтическое изображение туманов и сгущенных облаков. Ту же обстановку встречаем и в античных сказаниях о мутном, окруженном постоянными туманами Стиксе¹⁴ и других адских реках¹⁵. По рассказу Гомера, ад находится у вод великого (воздушного) океана и корабль Одиссея направляется туда северным ветром.

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...
Ночь безотрадная там искони окружает живущих¹⁶.

Хотя скандинавский миф, описывая последний день Вселенной, и умалчивает об огненной реке, но зато говорит о всесветном пожаре. В противоположность северному миру зимнего холода и туманов, на юге лежит мир огня, называемый в Эдде Muspellsheimr¹⁷. Охранять Muspellsheimr приставлен Surtr (род. Surtar = schwarzbraune) – имя, родственное с словом svartr – niger; вулканические расщелины скал в Исландии называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встречаются как имена великанов. Нигде в обеих Эддах Суртур не выступает в качестве бога; подобно другим великанам, он – враг и соперник асов, демонический представитель грозowych туч: Voluspa огонь называет Surta sen – Surti amicus.

Когда грехи превзойдут меру, на земле станут царствовать жестокость, властолюбие и неправда и Вселенную овладеет суровая зима; тогда должна последовать кончина света. Вооруженный блестящим мечом и окруженный пламенем, Суртур подымется вместе с грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступит войною на богов и предаст Вселенную страшному огню; при его появлении задрожат скалы, люди пойдут путем смерти и небо распадется с треском. Асы будут побеждены, старый мир рушится, и вместо него возникнет новый, благословенный. Ясно, что огненная река, текущая с востока, и пламя всесветного пожара, приносимое с юга, – представления, совершенно тождественные.

Под влиянием христианских сказаний староверхненемецкая поэзия выводит, вместо Суртура, Антихриста и заставляет его сражаться с Ильею-пророком, пролитая кровь которого воспламеняет все горы. Славяне также соединяли идею ада не только с западом, но и с севером; они доныне хранят воспоминания о беспощадной стране смерти, веющей стужею и метелями. Ад, по их мнению, состоит отчасти из пропастей и бездн, наполненных кипучею смолою, отчасти – из снежных и железных гор (то есть из туч, окованных зимним холодом). Из железных гор прилетают зимою морозы, и сюда скрываются они на лето; вообще вьюги и морозы, по народному поверью, происходят от выхождения нечистой силы из адских вертепов. Отсюда

¹⁴ «Styx nebulas exhalat iners».

¹⁵ D. Myth., 762-4. Дождевые, грозные потоки равно принадлежат и раю, и аду, только на обрисовку их здесь и там употреблены различные поэтические краски.

¹⁶ Одис., XI, 13–19. Киммериане – жители загробной области, усопшие; Одиссей отправляется к ним опросить душу мудрого Тирезия. «Audi deutet ihr name auf Erebos und Unterwelt, da sie auch ερβέριοί kiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος, mit ερεβος zusammenhangt, wahrend der name Κι μ έριοί auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf έρευός führt». – Griech. Myth., Преллера, I, 634. Сравни с преданиями о блаженном народе гиперборейцах. – Ibid., 189.

¹⁷ Mutspelli (muspille), по объяснению Я. Гримма, – слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится с сканд. spioll – corruptio, spilla – corrumpere, англосакс, spillan – perdere, англ. spill, др. – верхненем. spildan, др. – сакс, spildian; mud, mu (mú) заключает в себе понятия земли или дерева. Следовательно, mutspelli есть поэтическое название огня как потребителя деревьев, пожарателя дров.

же прилетают в известную пору своего губительного влияния, определяемого физическими условиями, весенние лихорадки, коровий мор и другие болезни – обыкновенные спутницы и помощники смерти, которым простолюдины дают характерный эпитет «замороженные».

Вспомним, что дивии народы (великаны) заключены в горах на самой полунощи. Немцы полагают жилище черта на севере; этой страны боятся и русские поселяне, и эсты. В древнеславянских переводах и оригинальных произведениях словом «тартар» обозначается подземная пропасть, никогда не освещаемая и не согреваемая солнцем, место вечного, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешников: «а се есть глаголемый тартар– зима несъгреема и мразь лютъ». Лингвисты слово тартаос роднят с тартарюю – дрожу от холода.

Таким образом, с адом соединялись самые противоположные представления: яркого пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимого жара и мертвящих морозов. Эти различные данные послужили основой для изображения тех страшных мук, на которые осуждаются грешники. Злые демоны гоняются за душами усопших грешников, схватывают их острыми когтями, связывают как своих пленников и, погружая в адские бездны, предают жестоким казням; поэтому германские племена дают черту названия: *henker, diebhenker* – палач, вор, мучитель, *der mordet von anfang, der grausame seelenhenker*. Подобно водяным духам, встречающим всякого утопленника с плясками и весельем, черти, по русскому поверью, заводят неистовую гульбу возле трупов удушенника и самоубийцы. «Будет мука розная, – говорит стих о Страшном суде, – иным грешникам будут огни негасимые, иным – зима студеная, иным – смола кипучая, иным – черви ядовитые, а иным – тьма несветимая и пропасть глубокая».

Апокрифическая статья «Хождение Богородицы по мукам», рукописи которой восходят к самому началу письменности¹⁸, рисует полную картину адских истязаний: одни грешники и грешницы мучатся в огненном озере (или огненной реке), погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головою; другие возлежат на пламенных одрах; многие повешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы прободают железными прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей – чудовище с огненным языком и железными когтями. Сравни с рассказом, записанным в Паисьевском сборнике (XIV в.): «...и видехом езеро полно змий, якож бяше не видеть воды под ними, и слышахом плачь и стенанье люто, и бяше езеро то полно человек, и приде глас с небеси, глаголя: си суть людье осужении!».

В одном рукописном отреченном сказании, сообщенном мне проф. Григоровичем, сказано: «Адам поживе на земли лет 930 и умре и прииде смерть Сатанина и взем душу его и внесе во ад мучиться 3000 лет внутри ада во огни горящем, руки и ноги связаны, на шест цепляны». Все эти казни издревле рисовались на иконных изображениях Страшного суда и до последнего времени продолжали служить богатым материалом для лубочных картин. Неразвитый ум и огрубелое чувство простолюдина не в силах представить себе, чтобы муки душевные могли быть нестерпимее телесных, и он убежден, что за тяжкие грехи посадят его в котел с кипящею смолою, повесят за язык, ребро или за ногу, станут бить раскаленными прутьями и мучить на страшном ложе, составленном из острых игл, бритв и ножей, снизу которого пылает жгучий огонь, а сверху капает растопленная сера; он верит, что клеветник и лгун будут по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будут выгребать из печи жар голыми руками, что на опойцах черти станут возить дрова для подтопки адских горнов и воду для приготовления кипятка, что любодейницу будут сосать лютые змеи.

На лубочной картине, изображающей смерть грешника, Сатана говорит осужденному: «...любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведите теперь его в мою баню огненную и положите на ложе огненное». Черти ведут его в баню, парят горящими венниками и кладут на раскаленное ложе; в заключение разных истязаний они ввергают грешника

¹⁸ Список Троицкой лавры относят к XII веку. – Пам. отреч. лит-ры, II, 23; Пам. стар. рус. лит-ры, III, 118–124. Хождение по мукам апокрифическая литература приписывает и апостолам, и святым. – Пам. отреч. лит-ры, II, с. 40 и дал.

в огненный колодезь. Представления эти запечатлены тем материальным характером, который ярко свидетельствует за их глубокую давность; связь их с древнейшими мифами язычества не подлежит сомнению. Сосущие змеи, неусыпающий червь, раскаленные железные прутья и огненные веники суть известные нам метафоры молний; котлы и колодцы, налитые воспаленною смолою, – метафоры громоносных туч.

При распределении загробных мук народная фантазия руководилась мыслию о соответствии наказания с грехом: сейчас указано, что язык, произносивший клевету, должен лизать горячее железо, а руки, загребавшие золото, – загребать жар, который сам метафорически назывался золотом; бабы, которые, торгуя молоком, подмешивают в него воду, осуждаются поливать друг друга водою и т. д. В этом отношении любопытны следующие предания, занесенные в народный рассказ о странствовании души на том свете: «Идемо степом, коли яма така глибоченна, що й дна не видно. Дид (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизти. Гляну, аж се вже другий свит. Скризь сидять померший души, усе по статтям... Идемо, аж миж двома дубами горить у поломъи чоловик и кричить: ой, проби! укройте мене, бо замерзну! ой укройте мене, бо замерзну! Дид и каже: оце той чоловик, що просився до его зимою в хату подорожний, а на двори була метелиця та хуртовина, а вин не пустив, дак той и змерз пид тином Оце ж тепер вин горить у полонии, а ему ще здаеця, що холодно, и терпить вин таку муку, як той подорожний терпив од морозу». По другому варианту такая мука назначается поджигателям: «Идемо дальше, коли лежить чоловик коло криници; тече ему ривчак через рот, а вин кричить: проби! дайте напиться! Дид и каже: сей не дав чоловикови в жнива води напиться; жав вин на ниви, аж иде старчик дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоловиче добрий! Дай, ради Христа, води напиться. А вин ему: оце ж для тебе вивиз! вилю на ниву, а не дам такому дармоеду, як ти! То от тепер ему ривчак через горло бижить, а вин ще пить просить, и довику вичного буде ему так жарко та тяжко, як тому старцеви, що й шов дорогою».

Или: стоит грешник по самые уста в воде, а не может утолить нестерпимой жажды; только вздумает напиться, как вода бежит от него прочь. Подобное мучение, по свидетельству Гомера, было определено Танталу. Весьма вероятно, что мифы эти вначале относились к стихийным духам и великанам, обитателям мрачного Аида, и потом уже были перенесены на души нечестивых людей. Грешник, испытующий холод среди пламени, напоминает нам сказочного богатыря Мороза-Трескуна, заключенного в огненную баню; грешник, томимый вечною жаждою, – великана Опивалу; бабы, осужденные поливать друг друга водою, приводят на мысль предания о ведьмах – похитительницах небесного молока, купающихся в дождевых ливнях, – и греческую басню о Данаидах¹⁹.

Народные легенды описывают загробные муки, какие удалось набожному и сострадательному страннику («Христову брату») видеть на пути к дому Небесного Владыки; в других редакциях вместо этого странника выводится добрый молодец, который отправляется к красному Солнышку и по дороге к его царству видит муки грешников. Очевидно, легенда о Христовом брате есть подновленная в христианском духе древнейшая сказка, с заменою языческого божества Солнца именем Спасителя, называемого в церковных песнях «Праведным Солнцем».

В числе осужденных сказочный герой видит мужика: стоит он на дороге весь загрязненный, дует на него буйный ветер и несет ему в рот и в нос густую пыль. Такая кара определена ему мстительными стихийными богами за то, что, живя на белом свете, он затыкал свою избу крепко-накрепко, чтобы ни ветер туда не дул, ни солнышко не пекло. Живописуя ад и чистилище, поэзия и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазией,

¹⁹ Греческие мифы о Титии и Сизифе (Одис, XI) стоят в связи с преданиями о Прометее и великанах, бросающих облачные скалы и горы.

и Дантова «Божественная комедия» есть лучшее тому свидетельство, ибо в ней поэт совместил все, что только дали ему литературы классическая и средневековая.

Живому неестественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себе есть и высочайшее благо, и высочайшее наслаждение, об исходе которого нельзя думать без особенного тревожного чувства. У всех народов ходит много примет и совершается много обрядов, указывающих на тот страх и то опасение, с которыми смотрят на все, что напоминает о последнем конце. Так, встреча с похоронами считается предвестием несчастья и неудачи; у греков прикосновение к усопшим, долгое пребывание в доме покойника, посещение больных и умирающих требовало очищения; у римлян жрецам воспрещалось прикасаться к мертвому телу.

На Руси кто прикасался к трупу покойника, тот не должен сеять, потому что семена, брошенные его рукою, омертвеют и не принесут плода; если умрет кто-нибудь во время посева, то в некоторых деревнях до тех пор не решаются сеять, пока не совершатся похороны. В Литве, как только приметят, что больной умирает, тотчас же выносят из избы все семена, полагая, что если они останутся под одною кровлею с мертвецом, то не дадут всходов²⁰. С другой стороны, так как зерно, семя есть символ жизни, то по выносе мертвого лавку, где он лежал, и всю избу посыпают рожью. Тогда же запирают и завязывают ворота, чтобы отстранить губительные удары смерти и закрыть ей вход в знакомое жилье. Горшок, из которого омывали покойника, солома, которая была под ним постлана, и гребень, которым расчесывали ему голову, везут из дому и оставляют на рубеже с другим селением или кидают в реку, веря, что таким образом смерть удаляется за пределы родового (сельского) владения или спускается вниз по воде.

Все присутствующие при погребении обязаны, по возврате домой, посмотреть в квашню или приложить свои руки к очагу, чтобы через это очиститься от зловредного влияния смерти.

Вместе с болезнями, особенно повальными, быстро приближающими человека к его кончине, смерть признавалась у язычников нечистою, злою силою. Оттого и в языке, и в поверьях она сближается с понятиями мрака (ночи) и холода (зимы). В солнечном свете и разливаемой им теплоте предки наши видели источник всякой земной жизни; удаление этого света и теплоты и приближение нечистой силы мрака и холода убивают и жизнь, и красоту природы.

Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишает его дневного света, отнимает от него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согревала охладевший его труп, и обезображивает лицо покойника предшествовавшими болезненными страданиями и предсмертною агонией. Смерть и черт в народных сказаниях нередко играют тождественные роли. Слова: *смерть* (лит. *smertis*, нем *schmerz* – боль, страдание), *мор*, *Морана* родственны по корню с речениями: морок (мрак) – туман, замерек (замерень) – перевозимье, замореки – начальные морозы²¹, мара – у нас: злой дух, призрак, у лужичан: богиня смерти и болезней²², мерек – черт.

Основу родства означенных речений должно искать в доисторической связи выражаемых ими понятий. Краледворская рукопись сравнивает смерть с ночью, приносящею тьму (захождение солнца = его смерть, а восход = воскресение), и с зимою, представляющею собой смерть природы, как весна есть ее возрождение. Убитый Власлав повалился на земли:

wstati ne možeže;
Morena ieī sypáše w noc črnu²³

В другом месте Краледворской рукописи встречаем выражение: «*po puti wsei z wesny po Moranu*» – на пути от весны до Мораны; здесь под весною разумеется юность, а под словом

²⁰ Вест. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов, нар., 112. Лужичане приоста

²¹ Предлог «за» означает начало действия; следовательно, приведенные слова буквально означают начало мрака или смерти (зимы).

²² Volkslieder der Wenden, II, 268. У литовцев и леттов *Welnas, Weis* – бог смерти превратился в дьявола. – D. Myth., 814.

²³ Перевод: «встать не может; Морена усыпила его в черную ночь».

Морана – старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богиней смерти и зимы²⁴; Вацерад сопоставляет это имя с греческою Гекатою, богиней луны (= ночи) и подземного царства. Поговорки: *pŭjdeř na morán*; *Mořena paneřsála*; *proti Mořněneniřkořně* означают: скоро умрешь; его коснулась смерть; против смерти нет корешка (лекарства). Встречая весну торжественным праздником, славяне совершали в то же время обряд изгнания Смерти или зимы и повергали в воду чучело Мораны.

Сербы дают зиме эпитет «черная»; в одном из похоронных причитаний говорится о покойнике, что он уходит туда, где померкло солнце и царствует черная зима; там будет он вечно зимовать, и лютая змея выпьет его очи. У нас глагол *околеть* употребляется в двояком смысле: озябнуть и умереть; а глагол *истывать* (стынуть) – в смысле издыхать.

Если идея смерти сближалась в доисторическую эпоху с понятием о ночном мраке, то так же естественно было сблизить ее и с понятием о сне. Сон неразделен со временем ночи, а заснувший напоминает умершего. Подобно мертвецу, он смежает свои очи и делается недоступным впечатлению света; остальные чувства его также чужды внешним впечатлениям. Смерть и сон представляются потому в мифологиях различных народов явлениями между собою близкими, родственными. Гомер называет смерть и сон близнецами, а Гезиод – чадами ночи; и греки, и римляне признавали *Ίπλυος* (*Somnus*) братом смерти. Оба брата, по их мнению, живут вместе на западных границах мира – в глубоком подземном мраке, возле царства мертвых²⁵; там возлежит *Somnus* на маковых снотворных цветах в сладком покое, а вокруг его ложа толпятся легкие сновидения в неясных образах²⁶. На такую древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и наши предания.

Народная пословица утверждает их братство: «Сон смерти брат». В славянских и немецких сказках богатыри, убитые врагами, воскресая при окроплении их трупов живою водою, обыкновенно произносят эти слова: «Ах, как же я долго спал!» «Спать бы тебе вечным сном, если б не живая вода и не моя помощь», – отвечает добрый товарищ. В современном языке вечный сон остается метафорическим названием смерти; наоборот, сон летаргический слывет в простонародье обмираньем, во время которого, по рассказам поселян, душа оставляет тело, странствует на том свете, видит рай и ад и узнает будущую судьбу людей²⁷. Животные, впадающие в зимнюю спячку, по общепринятому выражению, замирают на зиму. Заходящее вечером солнце представлялось не только умирающим, но и засыпающим, а восходящее утром – восстающим от сна; зимняя смерть природы иначе называется ее зимним сном; о замерзших реках и озерах в Тверской губернии выражаются, что они заснули.

Язык засвидетельствовал близость и сродство означенных понятий до осязательной наглядности. Умерших называют:

а) усопшими (успшими, успение) – от глагола *спать, усыпить*, то есть буквально называют уснувшими, или

б) покойниками – успокоившимися от житейской суеты вечным сном; подобно тому о рыбе говорят, что она заснула, вместо умерла, задохлась. В вышеприведенном месте Краледворской рукописи Морена усыпила Власлава; малорусы, при известии о чьей-нибудь кончине, говорят: «Нехай з'Богом спочивае!» В англосаксонской поэме о Беовульфе сказано: «*wyрт liged swaefed sære wund*» – змей лежит, спит (вместо издох), тяжело раненный²⁸.

²⁴ Другое имя, даваемое этой богине, – *Smrtonořka*.

²⁵ *Griech. Myth.*, I, 657-9: Смерть считали также порождением Земли и Тартара и давали ей эпитет *αἰεττυλος* – всегда сонная.

²⁶ Обзор мнений древних о смерти, судьбе и жертвоприношении, 8, 27; *D. Myth.*, 307, 803; Илиада, XXV, 230–5. Энеида называет ад жилищем теней и сна.

²⁷ Москв. 1846, XI–XII, 155; Молодик на 1844, 1888. Поэтому думают, что обмиравшие могут предсказывать, и жрецы пользуются иногда этим суеверием ради собственных выгод. – Ворон. Г. В. 1850, 20.

²⁸ Номис, 8; Опыт сравнит. обзор. др. памяти, нар. поэзии, II, 20. Итал. *cimeterio*, фр. *cimeterium*, греч. *χοῖμετριον* (от

В Смоленской губернии мертвецы называются «жмурики» (от глагола *жмурить* – закрывать глаза), то есть сомкнувшие свои очи; в Архангельской губернии существует поверье: кто засыпает тотчас, как ляжет в постель, тот долго не проживет; у литовцев была примета: когда молодые ложились в первый раз вместе, то кто из них засыпал прежде – тому и умереть суждено раньше. Сербы не советуют спать, когда заходит солнце, чтобы вместе с умирающим светилом дня не заснуть и самому вечным сном.

Слово «отемнеть» потребляется в народном говоре в значении ослепнуть и умереть; согласно с этим свидетельством языка, упырём (мертвецов, являющихся по смерти) большею частью представляют слепыми. Как сон сблизается с смертью, так, наоборот, бодрствование уподобляется жизни; поэтому жилой означает неспящего, например: «мы приехали на жилых», то есть мы приехали, когда еще никто не спал; глагол жить употребляется в некоторых местах в смысле бодрствовать, не спать. В причитаниях, обращаемых к покойникам, слышатся такие выражения: «И вы, наши родненькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» или «Пришли-то мы на твое жище вековешное, уж побудзиць-то пришли от сна крепкова».

Эти данные, свидетельствующие о братстве сна и смерти, и то верование, по которому душа во время сна может оставлять тело и блуждать в ином мире и видеть там все тайное, послужили основанием, почему сновидениям придано вешнее значение. Для живой и впечатлительной фантазии наших предков виденное во сне не могло не иметь прямого отношения к действительности, среди которой так много было для них непонятого, таинственного, исполненного высшей, священной силы. Они признали в сновидениях то же участие божества, какое признавали в гаданиях и оракулах; сновидения являлись как быстролетные посланники богов, вещатели их решений. Славяне до сих пор сохранили веру в пророческий смысл снов; таких, которые бы, по примеру сказочного богатыря Василия Буслаева, не верили ни в сон, ни в чох, а полагались бы только на свой червлёный вяз, в старое время бывало немного, и христианские проповедники вынуждены были поучать народ не доверять сонным мечтаниям. У черногорцев если жена видела во сне, что муж ее подвергнулся какой-либо опасности, то этот последний непременно отложит задуманное им предприятие. В наших народных песнях есть несколько прекрасных поэтических рассказов, содержанием которых служит «вера в сон». Приведем примеры.

Как по той ли реке Волге-матушке,
Там плывет, гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,
Пушкам, ружьям изстановлена;
На корме сидит асаул с багром,
На носу стоит атаман с ружьем,
По краям лодки добры молодцы.
Добры молодцы – все разбойнички;
Посередь лодки да и бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалася,
Во слезах она слово молвила:
Нехорош вишь сон ей привиделся —
Расплеталася коса русая,

хоццаω – дремлю, сплю) – кладбище = усыпальница – Тишкевича: Курганы в Литве и Зап. Руси, 141.

Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Растаял мой золот перстень.
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрелену,
Асаулу быть поиману,
Добрый молодцам быть повешенным,
А и мне-то, красной девице,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке²⁹.

Потеря обручального кольца, по народной примете, – худой знак, вещающий расторжение брака и любовной связи; распущенная коса – символ печали по усопшему другу или родичу.

Другая песня:

Ох ты, мать моя, матушка,
Что севоднешну ноченьку
Нехорош сон мне виделся:
Как у нас на широком дворе
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печище котище лежит,
По полу ходит гусыня,
А по лавочкам голуби,
По окошечкам ласточки,
Впереди млад ясен сокол.

Пустая хоромина – чужая сторона, углы опали и бревна раскатились – род-племя отступилось, кот – свекор, гусыня – свекровь, голуби – деверья, ласточки – золовки, ясен сокол – жених³⁰. В «Слове о полку Игореве» встречается следующий рассказ о вещем сне князя Святослава: «А Святславь мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахте мя, рече, чрною паполомою, на кровати тисов; чрпахуть ми синее вино с трудом смешено; сыпахуть мя тщими тулы поганых тльковин великий женчюг на лоно, и негуют мя; уже дьскы без кнеса в моем тереме златовресем. Всю ночь с вечера босуви врани възгряху».

Сон Святослава состоит из ряда печальных примет: черный покров и карканье ворона предзнаменуют грядущее несчастье; терем без кнеса означает лишение членов семейства, жемчуг – слезы; вино, смешанное с горем, напоминает выражение «упиться горем». Тот же предвещательный смысл придается сновидениям и в скандинавских сагах, и в Нибелунгах, и в Одиссее (песнь XIX). Греки и римляне присваивали снам религиозный характер и верили, что спящий человек может находиться в сношениях с невидимым миром; по случаю благоприятных сновидений у них совершались празднества, а по случаю страшных – очищения.

И сон, и смерть были признаваемы славянами, как и другими индоевропейскими народами, за живые мифические существа. Следы такого олицетворения сна замечаем в колыбельных песнях:

---

²⁹ Варианты этой песни см. у Сахарова, I, 204, 224.

³⁰ О. 3. 1851, VII, ст. Буслаева, 41; см. Срп. н. гуесме, II, № 47; Белорус, песни Е. П., 52; Вест. Евр. 1818. II, 50–52. Приснился молодцу сон, говорит песня: упали на его дом пчелы, а на подворье – звезда и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвещают печаль (их мед необходим при поминальных обрядах), звезда – рождение дитяти, а отлет кукушки – смерть матери. Есть поговорка: «Страшен сон, да милостив Бог».

Ой, ходить Сон по улоньце,
В белесонькой кошулоньце,
Слоняетця, тыняетця,
Госпо дыньки пытаетця³¹.

Или:

Сон идет по сням,
Дрема по терему;
Сон говорит:
– Усыплю да усыплю!
Дрема говорит:
– У дремлю да удремлю!³²

Вышеприведенные выражения апокрифа: «Пришла Смерть, взяла его душу» – употребительны в русском языке; по народной поговорке: «Смерть ходит по эдям». Кто ленив на подъем, медлителен в исполнении поручений, о том говорят на Руси: «его только что за Смертию посылать», в Германии: «nach dem Tod senden, en Tod suchen»; о весьма престарелых людях немцы отзываются: «der Tod hat crgessen sie abzuholen» – Смерть позабыла их взять (утащить).

К опасно больному приходит Смерть, становится около его постели и заглядывает ему в очи; если кто вдруг, неожиданно вздрогнет – это знак, что ему «Смерць в очи поглядзела». Согласно с злобным, демоническим характером Смерти, на которую (по пословице – на солнце) во все глаза не взглянешь и от которой нельзя ни откупиться, ни отпиться, она олицетворялась в образе устрашающем. По мнению античных народов, Mors (Κηρ – смерть в битвах) неумолима и свирепа; зубы ее опаснее клыков дикого зверя, на руках – страшные, кривые когти.

Смерть, говорит Гезиод, черна (лат. mors atra), скрежещет зубами, быстро мчится на войну, хватает падших ратников и, вонзая в тело свои когти, высасывает из них кровь; Эврипид представляет ее крылатую и облеченную в траурную мантию. Русские памятники (старинные рукописи, стенная живопись и лубочные картины) изображают Смерть или страшилищем, соединяющим в себе подобию человеческое и звериное, или сухим, костлявым человеческим скелетом с оскаленными зубами и провалившимся носом, почему народ называет ее курносою. Это последнее представление встречаем у всех индоевропейских народов: кончина человека предает его тлению, и тот образ, в который она изменяет труп, послужил и для воплощения самой Смерти. Так как слово «смерть» женского рода, то, следуя этому указанию, славяне олицетворяют ее женою, подобною Гелле; у немцев же her Tot, der heilig Tod выступает как злой бог, наравне со всеми богами и духами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человека (слетает с небес), изнимает из него душу и увлекает ее в загробный мир. С понятием смерти фантазия соединяет различные поэтические уподобления: Смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями; то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть; то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружием. Тот же тип хитрого ловчего и губителя христианских душ присваивается и владыке подземного царства, искусителю Сатане. Вооруженная в ратные доспехи, Смерть вступает в битву с человеком, борется с ним,

---

³¹ Сборн. укр. песен, 101.

³² Лет. рус. лит-ры, кн. II, 108; ср.: Срп. н. гусеме, I, 192.

сваливает его с ног и подчиняет своей власти; судороги умирающего суть последние знаки его отчаянного сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.